

В. Джемс

Научные основы психологии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
В11

В11 **В. Джемс**
Научные основы психологии / В. Джемс – М.: Книга по Требованию, 2024. – 372 с.

ISBN 978-5-458-24478-7

ISBN 978-5-458-24478-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

являются часто практически необходимыми. Чтобы идти дальше обычных «научных» положений, потребовалось бы въ настоящемъ случаѣ написать не одинъ томъ, а полку томовъ, чего авторъ не въ силахъ выполнить.

Позвольте добавить еще, что въ этой книгѣ мы будемъ касаться только души чловѣка. Хотя психическая жизнь существъ, стоящихъ ниже, изслѣдуется въ послѣднее время съ нѣкоторымъ успѣхомъ, но мы не имѣемъ мѣста для разсмотрѣнія ея здѣсь и можемъ только указывать на ея проявленія въ тѣхъ случаяхъ, когда они проливаютъ свѣтъ на нашу собственную природу.

Факты душевной жизни не могутъ быть надлежащимъ образомъ изучены особо отъ той физической среды, знаніе о которой они образуютъ. Большой ошибкой прежней раціональной психологіи было считать душу абсолютно нематеріальнымъ существомъ съ извѣстными свойственными только ей способностями, которыми объясняютъ различныя дѣятельности души, какъ, напр., воспоминаніе, воображеніе, сужденіе, хотѣнія и проч., почти безъ отношенія къ особенностямъ міра, къ которымъ относятся эти дѣятельности. Но болѣе богатое фактами воззрѣніе послѣдняго времени постигаетъ, что наши вѣнутреннія способности заранѣе приспособлены къ формамъ того міра, въ которомъ мы живемъ, приспособлены, я разумѣю, такъ, чтобы обезпечить нашу безопасность и благо-состояніе въ его средѣ. Не только наши способности къ образованію новыхъ привычекъ, къ запоминаніямъ послѣдствій, къ отвлеченію общихъ свойствъ отъ вещей и къ ассоцірованію съ ними ихъ обычныхъ слѣдствій именно необходимы намъ для того, чтобы направлять насъ въ этомъ мірѣ, гдѣ смѣшаны разнообразія съ однообразіями, — но и наши эмоціи и инстинкты приспособлены къ наиболѣе специфическимъ формамъ этого міра. Вообще, если какое-либо явленіе имѣетъ значеніе для нашего благо-получія, оно въ первый же моментъ, какъ мы сталкиваемся съ нимъ, интересуетъ и возбуждаетъ насъ. Опасныя вещи наполняютъ насъ невольнымъ страхомъ; ядовитыя — отвращеніемъ; необходимыя вещи — желаніемъ. Коротко сказать, духъ и міръ развились одновременно и поэтому нѣсколько приспособлены другъ къ другу. Специфическія взаимодѣйствія между внѣшнимъ порядкомъ и порядкомъ сознанія, эти взаимодѣйствія, благодаря которымъ могла явиться съ теченіемъ времени та гармонія между ними, которая существуетъ, сдѣлались предметомъ многихъ соображеній школы эволюціонистскихъ мыслителей (Гер. Спенсера); хотя до сихъ поръ этихъ соображеній нельзя признать окончательными, однако, во всякомъ случаѣ, они освѣтили и обогатили психологію въ ея цѣломъ и поставили множество новыхъ вопросовъ самаго разнообразнаго характера.

Главный результатъ этого сравнительно новаго взгляда есть постепенно растущее убѣжденіе въ томъ, что психическая жизнь есть прежде всего явленіе телеологическое, то есть, что различныя процессы чувствованія и мышленія развились до того состоянія, въ какомъ они оказываются теперь, благодаря ихъ полезности для выполненія нашихъ воздѣйствій (реакцій) на внѣшній міръ. Въ общемъ, весьма немногія изъ новѣйшихъ формулъ оказали психологіи услугу больше той, какую ей оказала формула Спенсера, утверждающая, что сущность жизни духовной и жизни тѣлесной одна и та же, а именно — «приспособленіе вѣнутреннихъ

отношеній къ вѣшнимъ». У низшихъ животныхъ и у дѣтей существуетъ приспособленіе къ предметамъ, непосредственно находящимся передъ ними. А когда степень душевнаго развитія растетъ, все болѣе совершенствуясь, то развивается приспособленіе къ предметамъ, все болѣе и болѣе удаленнымъ во времени и пространствѣ, и совершается оно при помощи все болѣе и болѣе сложныхъ и точныхъ процессовъ разсужденія.

Итакъ, прежде всего и въ основаніи всего, духовная жизнь существуетъ ради выполненія дѣйствій, имѣющихъ характеръ охраняющій. Во-вторыхъ и въ частности, душевная жизнь совершаетъ и многія другія дѣятельности и можетъ даже, если она дурно «приспособлена», приводить къ гибели своего обладателя. Психологія, взятая въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова, должна изучать всякіе виды духовной дѣятельности, т. е. и бесполезные и опасные, такъ же тщательно, какъ и тѣ, которые «приспособлены». Но изученіе «опасныхъ элементовъ» душевной жизни стало предметомъ особой отрасли знанія, называемой «психіатріей»—наукой объ умопомѣшательствахъ, а изученіе «бесполезнаго» передано эстетикѣ. Эстетикѣ и психіатріи не будетъ уделено спеціальнаго вниманія въ данной книгѣ.

Всѣ душевныя состоянія (все равно, каково ихъ отношеніе къ полезности) сопровождаются тѣлесной дѣятельностью какого-либо рода. Они приводятъ къ незамѣтнымъ измѣненіямъ въ дыханіи, кровообращеніи, общемъ мускульномъ напряженіи, въ дѣятельности железъ или другихъ внутреннихъ органовъ даже тогда, когда не влекутъ за собою замѣтныхъ движеній мускуловъ, дѣйствующихъ по нашей волѣ. Итакъ, не только извѣстныя особыя состоянія души (такія, напримѣръ, которыя называются хотѣніями), но всѣ состоянія ея, какъ таковыя, даже простыя состоянія мышленія и чувствованія по своимъ послѣдствіямъ суть двигатели. Это будетъ подробно показано, когда наше изученіе подвинется впередъ. А пока запишемъ это положеніе, какъ одинъ изъ основныхъ фактовъ науки, въ которую мы вступаемъ.

Выше было сказано, что должны быть изучены «условія» состояній сознанія. Непосредственное условіе какого-нибудь состоянія сознанія состоитъ въ дѣятельности какого-нибудь рода въ мозговыхъ полушаріяхъ. Это положеніе поддерживается столь многими фактами изъ патологіи и принято фізіологами въ основаніе столь многихъ изъ ихъ разсужденій, что для ума воспитавшагося на медицинскихъ знаніяхъ, кажется почти аксіомой. Во всякомъ случаѣ, было бы трудно дать краткое и рѣшительное доказательство безусловной зависимости умственнаго процесса отъ первнаго измѣненія. Нельзя отрицать, что нѣкоторая общая и обычная доля такой зависимости существуетъ. Достаточно только принять въ соображеніе, какъ быстро (насколько намъ извѣстно) можетъ быть уничтожено сознаніе ударомъ по головѣ, или вслѣдствіе быстрой потери крови, или при эпилептическомъ припадкѣ, или отъ очень большой дозы алкоголя, опія, эфира, окиси азота,—или какъ легко сознаніе можетъ быть измѣнено качественно при помощи меньшей дозы нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ веществъ, а также и другихъ, или въ горячкѣ,—чтобы видѣть, насколько наша душа находится въ зависимости отъ тѣлесныхъ случайностей. Маленькое засореніе желчнаго протока, глотокъ лекарства, облегчающаго желудокъ, чашка крѣпкаго кофе въ подходящій мо-

ментъ могутъ совершенно перевернуть на время взгляды человѣка на жизнь. Наше настроеніе духа и наши рѣшенія болѣе опредѣляются условіемъ нашего кровообращенія, чѣмъ нашими логическими доводами. Будетъ-ли человѣкъ вести себя героемъ или трусомъ, зависитъ отъ временнаго состоянія его «нервовъ». При многихъ видахъ помѣшательства,—но отнюдь не при всѣхъ,—были найдены ясныя измѣненія въ мозговой ткани. Разрушеніе нѣкоторыхъ опредѣленныхъ участковъ мозговыхъ полушарій сопровождается потерями памяти или приобрѣтенной двигательной способности совершенно опредѣленнаго рода, къ чему мы еще вернемся въ главѣ объ афазіи. Соединяя вмѣстѣ всѣ такіе факты, нашъ умъ приходитъ къ простому и коренному понятію, состоящему въ томъ, что душевный процессъ безразлично и безусловно долженъ быть функціей мозгового процесса, измѣняясь соотвѣтственно измѣненіямъ послѣдняго и относясь къ послѣднему, какъ слѣдствіе къ причинѣ ¹⁾).

Это понятіе является «рабочей гипотезой» ²⁾, которая лежитъ въ основѣ всей «физиологической психологіи» послѣднихъ лѣтъ, и оно же будетъ рабочей гипотезой въ этой книгѣ. Взятое въ столь безусловной формѣ, это понятіе вѣроятно можетъ оказаться слишкомъ общимъ утвержденіемъ того, что въ дѣйствительности составляетъ лишь частичную истину. Но единственнымъ способомъ увѣриться въ неудовлетворительности этого понятія является серьезное примѣненіе его ко всякому возможному случаю, который можетъ намъ встрѣтиться. Примѣнить какую-нибудь гипотезу ко всѣмъ случаямъ гдѣ она достаточна, есть дѣйствительное и часто единственное средство доказать ея недостаточность. Поэтому, я буду принимать, сначала безъ всякой провѣрки, что однородное отношеніе состояній мозга къ состояніямъ сознанія есть законъ природы. Примѣненіе этого закона въ подробностяхъ покажетъ лучше всего, гдѣ онъ встрѣчаетъ удобства и гдѣ для него лежатъ затрудненія.

Нѣкоторымъ читателямъ такое допущеніе покажется, вѣроятно, самымъ непростительнымъ апіорнымъ матеріализмомъ ³⁾.

Несомнѣнно, въ одномъ смыслѣ это—матеріализмъ; а именно это положеніе ставитъ высшее въ зависимость отъ низшаго. Но хотя мы утверждаемъ, что процессъ мышленія есть слѣдствіе механическихъ законовъ,—ибо согласно другой «рабочей гипотезѣ», именно физиологической, законы мозговыхъ процессовъ суть въ сущности механическіе законы,—мы ничуть не объясняемъ природы мысли тѣмъ, что подтверждаемъ эту зависимость; и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ наше предположеніе не является матеріализмомъ. Авторы, которые самымъ безусловнымъ образомъ утверждаютъ, что зависимость нашихъ мыслей отъ нашего мозга есть фактъ, часто сильнѣе всѣхъ настаиваютъ на томъ

¹⁾ Не слѣдуетъ забывать, что такое понятіе есть лишь условное научное допущеніе. Оно не выдерживаетъ критики съ болѣе широкой, научно-философской точки зрѣнія (см. объ этомъ Л. Е. Оболенскаго „Исторія Мысли“ стр. 314—317).

²⁾ Рабочей гипотезой называется такое положеніе, которое кладется въ основу дальнѣйшаго изслѣдованія, какъ условно-принятое орудіе для дальнѣйшаго раскрытія истины (см. далѣе).

³⁾ Т. е. принятымъ безъ предварительнаго фактическаго и опытнаго доказательства.

что этот фактъ необъяснимъ и что интимная (внутренняя) сущность сознанія никогда не можетъ быть объяснена какой нибудь матеріальной причиной. Безъ сомнѣнія, потребуется много поколѣній психологовъ для того, чтобы подтвердить гипотезу о такой зависимости во всѣхъ ея мелочахъ. Книжки, которыя ее ставятъ основнымъ положеніемъ, до нѣкоторой степени строятся на гадательномъ основаніи. Но изучающій психологію долженъ помнить, что науки постоянно принимаютъ на себя подобный рискъ и что онѣ подвигаются впередъ зигзагами отъ одной абсолютной формулы къ другой, которая исправляетъ первую, идя очень далеко въ другую сторону. Въ настоящее время психологія находится на матеріалистическомъ пути, и въ интересахъ ея окончательнаго успѣха ей долженъ быть разрѣшенъ свободный путь даже тѣмъ, которые увѣрены, что она никогда не достигнетъ гавани, не поворотивъ еще разъ своего руля. Одно только вполнѣ вѣрно, что когда формулы психологіи будутъ включены въ общій сводъ философіи, то онѣ явятся въ совершенно другомъ значеніи чѣмъ то, которое онѣ будутъ представлять до тѣхъ поръ, пока онѣ изучаются съ точки зрѣнія отвлеченной и урѣзанной «естественной науки», какъ бы ни могло быть практически неизбѣжно и необходимо изученіе ихъ съ такой предварительной точки зрѣнія.

Отдѣлы психологіи. Итакъ, мы должны, на сколько возможно полнѣе, изучить состоянія сознанія въ соотношеніи съ ихъ вѣроятными нервными условіями. Теперь вполнѣ понятно, что нервная система есть ничто иное, какъ машина для воспріятія впечатлѣній и для реагированія въ нѣдрахъ предохраненія индивидуума и его рода.—Поэтому читателя нужно въ этихъ рамкахъ познакомить съ фізіологіей. Какъ машина, нервная система анатомически распадается на три главныхъ отдѣла, заключающихъ:

- 1) Волокна, приводящія токи (къ центрамъ).
- 2) Органы центральнаго перенаправленія токовъ. и
- 3) Волокна, отводящія токи (отъ центровъ).

Съ точки зрѣнія отпращиваній (функцій) нервной системы мы имѣемъ соотвѣтственно этимъ анатомическимъ подраздѣленіямъ: 1) ощущеніе, (правильнѣе сказать, возбужденіе или раздраженіе), 2) отраженіе отъ центра и 3) движеніе. Въ психологіи мы можемъ подраздѣлить нашу работу соотвѣтственно подобной схемѣ и рассмотреть послѣдовательно три основныхъ сознательныхъ процесса и ихъ условія. Первымъ будетъ ощущеніе; вторымъ — центральная мозговая или умственная дѣятельность; третьимъ — стремленіе къ дѣйствию. Не мало неопредѣленностей возникаютъ изъ такого подраздѣленія, но оно имѣетъ практическія удобства для такой книги, какъ эта, а эти удобства слѣдуетъ предпочесть всѣмъ возраженіямъ, какія могутъ быть представлены.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ощущеніе въ общемъ смыслѣ.

Нервные токи, идущіе къ центру, суть единственные агенты, которые нормально вліяютъ на мозгъ. Нервные центры человѣка окружены нѣсколькими плотными оболочками, назначеніемъ которыхъ является охраненіе центровъ отъ прямого дѣйствія силъ внѣшняго міра. Волосы, толстая кожа черепа, черепная крышка и по крайней мѣрѣ двѣ перепонки или оболочки, изъ которыхъ одна твердая, окружаютъ мозгъ; и этотъ органъ, сверхъ того, подобно спинному мозгу, омывается серозной жидкостью, въ которой онъ какъ-бы плаваетъ. При такихъ условіяхъ единственно, что можетъ случиться съ мозгомъ, это слѣдующее:

- 1) очень глухіе и очень слабые механическіе удары;
- 2) измѣненія въ качествѣ и количествѣ притока крови, и
- 3) токи, пробѣгающіе по такъ называемымъ вносящимъ или центростремительнымъ нервамъ.

Механическіе удары обыкновенно недѣйствительны; результаты измѣненій крови обыкновенно преходящи; нервные же токи, напротивъ, вызываютъ послѣдствія имѣющія наибольшее жизненное значеніе, какъ въ моментъ ихъ прибытія, такъ и потомъ въ невидимыхъ тропинкахъ ихъ пробѣга, которыя эти токи прокладываютъ въ веществѣ мозга, и которыя, какъ мы думаемъ, остаются болѣе или менѣе постоянными чертами строенія мозга, измѣняя его дѣятельность въ теченіе всего будущаго времени.

Каждый приводящій нервъ отходитъ отъ опредѣленной части периферіи и приводится въ дѣйствіе и возбуждается къ внутренней дѣятельности особою силою внѣшняго міра. Обыкновенно нервъ нечувствителенъ къ силамъ другого порядка: такъ, оптическіе нервы не воспринимаютъ впечатлѣнія отъ воздушныхъ волнъ, а кожные нервы—отъ свѣтовыхъ волнъ. Язычный нервъ не возбуждается ароматическими испареніями, слуховой нервъ нечувствителенъ къ теплотѣ. Каждый нервъ выбираетъ изъ колебаній внѣшняго міра какое-нибудь одно, которому исключительно этотъ нервъ соотвѣтствуетъ. Слѣдствіемъ этого является то, что наши ощущенія образуютъ прерывающіеся ряды, раздѣленные другъ отъ друга громадными пропусками. Нѣтъ причины предполагать, что порядокъ колебаній во внѣшнемъ мірѣ является такъ же прерывающимся, подобно порядку нашихъ ощущеній. Между самыми быстрыми, еще слышимыми воздушными колебаніями (по большей мѣрѣ 40.000 колебаній въ секунду) и самыми медленными, уже ощущаемыми тепловыми колебаніями (которыя исчисляются билльонами, колеб. въ с.) природа должна была гдѣ-нибудь осуществить безчисленные промежуточные степени, для воспріятія которыхъ мы не имѣемъ особыхъ нервовъ. Процессъ въ самыхъ нервныхъ волокнахъ совершенно сходенъ или очень сходенъ для всѣхъ различныхъ нервовъ. Это—такъ называемый «токъ»; но токъ въ сѣтчаткѣ возбуждается однимъ порядкомъ внѣшнихъ колебаній, а въ ухѣ, напримѣръ, другимъ порядкомъ. Это зависитъ отъ различныхъ конечныхъ органовъ, которыми вооружены многіе приводящіе нервы. Совершенно подобно тому, какъ мы сами вооружимся ложкою, чтобы брать

суть, и вилкою, чтобы брать мясо, наши нервные волокна вооружаются конечными аппаратами одного рода для того, чтобы схватывать воздушные волны, и другого—для волн эфира. Конечный аппарат всегда состоит из видоизмѣненныхъ эпителиальныхъ клѣтокъ, которыя являются продолженіемъ нервнаго волокна. Последнее не можетъ само быть возбуждаемо непосредственно вѣншимъ агентомъ, который дѣйствуетъ на конечный органъ. Зрительныя волокна не приводятся въ движеніе непосредственными лучами солнца; кожный нервный стволъ можно привести въ соприкосновеніи со льдомъ, не вызывая ощущенія холода ¹⁾). Волокна суть простые проводники; конечные аппараты—множество несовершенныхъ телефоновъ, въ которые говоритъ матеріальный міръ, и изъ которыхъ каждый воспринимаетъ часть того, что было сказано; мозговые клѣтки у центральныхъ концовъ волоконъ являются такимъ же количествомъ другихъ телефоновъ, при помощи которыхъ умъ внимаетъ далекому зову.

«Специфическія энергіи» разныхъ частей мозга. На извѣстномъ протяженіи анатомы отмѣтили опредѣленно дорожки, по которымъ идутъ чувствительныя нервныя волокна послѣ ихъ входа въ центры до ихъ окончанія въ стѣромъ веществѣ мозговыхъ извилинъ ²⁾). На одной изъ слѣдующихъ страницъ будетъ показано, что сознаніе, которое сопровождаетъ возбужденіе сѣраго вещества, измѣняется соотвѣтственно тому, тотъ или другой участокъ вещества возбуждается. Если приходятъ въ возбужденіе затылочные доли, получается сознаніе видимыхъ предметовъ, если же верхняя часть височныхъ долей, получается сознаніе слышимыхъ предметовъ. Каждая область мозговой коры отвѣчаетъ возбужденію, которое приносятъ къ ней приводящія волокна, такимъ образомъ, что съ нимъ въ неизмѣнномъ соотношеніи является особенное качество чувствованія. Это и есть такъ названный законъ «специфическихъ энергій» въ нервной системѣ. Конечно, у насъ нѣтъ даже гадательнаго истолкованія причины такого закона. Психологи (какъ Льюисъ, Вундтъ, Розенталь, Гольдшейдеръ и др.) много разсуждали о томъ, зависитъ ли специфическое свойство чувствованія только отъ возбужденнаго участка коры, или же отъ рода тока, посылаемаго туда нервомъ. Несомнѣнно, родъ вѣнней силы, дѣйствующей постоянно на конечный органъ, видоизмѣняетъ его; родъ сотрясенія, получаемаго отъ конечнаго органа, видоизмѣняетъ нервное волокно, и родъ тока въ такомъ измѣненномъ волоконѣ, посылаемаго въ корковый центръ, видоизмѣняетъ послѣдній. Видоизмѣненіе центра въ свою очередь (хотя нельзя угадать—какъ и почему), повидимому, видоизмѣняетъ протекающее сознаніе. Но эти приспособительныя видоизмѣненія должны совершаться чрезвычайно медленно; и если дѣло въ дѣйствительности касается

¹⁾ Субъектъ можетъ, тѣмъ не менѣе, при этомъ опытѣ ощущать боль; и нужно допустить, что нервныя волокна всякаго рода, какъ и конечные аппараты, могутъ до нѣкоторой степени возбуждаться механической силой и электрическимъ токомъ.

²⁾ Такъ, волокна зрительнаго нерва направляются къ затылочнымъ долямъ; обонятельныя волокна—къ задней части височной доли (hippocampus); волокна слухового нерва проходятъ сперва въ мозжечекъ и оттуда, вѣроятно, къ верхней части височной доли. Эти употребительныя анатомическіе термины будутъ истолкованы въ этой же главѣ послѣ. Кора (cortex) есть сѣрая поверхность извилинъ

какого-либо взрослого индивидуума, то можно съ увѣренностью сказать, что больше, чѣмъ отъ всего другого, зависитъ отъ возбужденнаго участка коры, какой родъ предметовъ онъ будетъ чувствовать. Надавливаемъ ли мы сѣтчатку, колемъ ли ее, рѣжемъ, щиплемъ или гальванизируемъ живой зрительный нервъ, субъектъ всегда чувствуетъ сверканіе свѣта, такъ какъ конечнымъ результатомъ нашихъ операций является возбужденіе затылочной области коры. Такимъ образомъ, наши обычные виды чувствованія внѣшнихъ предметовъ зависятъ отъ извилинъ, соединенныхъ случайно съ особыми конечными органами, на которые дѣйствуютъ эти предметы. Мы видимъ сіяніе солнца и огонь только потому, что единственный периферическій конечный органъ, воспримчивый къ схватыванію волнъ эфира, исходящихъ отъ этихъ предметовъ, возбуждастъ тѣ особыя волокна, которыя идутъ къ зрительнымъ центрамъ. Если бы мы могли перемѣнить внутреннія соотношенія, то мы чувствовали бы окружающій міръ совѣтъ въ новомъ видѣ. Если бы, напримѣръ, мы могли соединить внѣшнія окончанія нашихъ зрительныхъ нервовъ съ нашими ушами, а окончанія слуховыхъ нервовъ—съ нашими глазами, то мы слышали бы молнію и видѣли бы громъ, видѣли бы симфонію и слышали бы движеніе дирижера. Такія предположенія, какъ эти (вышеприведенныя), являются хорошей тренировкой для новичковъ въ идеалистической философіи.

Ощущеніе отличается отъ воспріятія. Точно опредѣлить, что такое ощущеніе, невозможно; и въ дѣйствительной жизни сознанія ощущенія, называемыя такъ въ обыденной рѣчи, и воспріятія незамѣтно переходятъ другъ въ друга. Всѣ мы можемъ сказать, что подъ ощущеніями мы подразумѣваемъ «первыя» вещи (этапъ) на пути сознанія. Они суть непосредственные результаты воздѣйствія нервныхъ токовъ на сознаніе, когда эти токи входятъ въ мозгъ и прежде, чѣмъ они пробудили нѣкоторыя внушенія или ассоціаціи съ прошлымъ опытомъ. Но ясно, что такія непосредственныя ощущенія могутъ существовать только въ первые дни жизни. Но они совершенно невозможны у взрослыхъ съ ихъ воспоминаніями и большимъ количествомъ пріобрѣтенныхъ ассоціацій. До всѣхъ впечатлѣній на органы чувствъ, мозгъ погруженъ въ глубокій сонъ, и сознаніе на дѣлѣ не существуетъ. Даже первыя недѣли послѣ рожденія проходятъ у дѣтей почти въ непрерывномъ снѣ; это обстоятельство лишаетъ органы чувствъ сильнаго средства къ прекращенію этой дремоты (сознанія). У новорожденнаго мозгъ даетъ образованіе абсолютно чистому ощущенію. Но опытъ оставляетъ свое «невообразимое прикосновеніе» (слѣдъ) въ веществѣ извилинъ, и слѣдующее впечатлѣніе, которое передается органомъ чувствъ, производитъ мозговую реакцію, въ которой пробужденный слѣдъ послѣдняго впечатлѣнія играетъ свою роль. Слѣдствиемъ этого являются другой родъ чувствованія и высшая степень сужденія. «Идемъ» о предметѣ смѣшиваются съ знаніемъ объ его только чувствуемомъ присутствіи; мы называемъ этотъ предметъ, классифицируемъ, сравниваемъ его, строимъ предположенія относительно его, и осложненіе возможнаго сознанія, которое можетъ вызвать пріходящій токъ, все идетъ *сacscendo* до конца жизни. Вообще, это болѣе высокое сознаніе о предметахъ называется воспріятіемъ, чистое же (невнятное), недоступное расчлененію чувствованіе ихъ присутствія есть ощущеніе (насколько мы имъ

совсѣмъ обладаемъ). До нѣкоторой степени мы, кажется, способны приходить въ состояніе этого нерасчлененнаго чувствованія въ моменты, когда наше вниманіе совершенно разсѣяно.

Ощущенія обладаютъ моментомъ познаванія. Итакъ, ощущеніе есть абстракція, рѣдко осуществимая сама по себѣ; и объектъ, о которомъ знаетъ ощущеніе, есть абстрактный объектъ, не существующій (одинъ) самъ по себѣ. «Чувствуемыя качества» вотъ объекты ощущенія. Ощущенія глаза знаютъ о цвѣтѣ предметовъ; ощущенія уха знакомятъ со звуками; ощущенія кожи даютъ чувство осязаемой тяжести предметовъ, остроконечности, теплоты или холода и т. п. Отъ всѣхъ органовъ тѣла могутъ идти токи, возбуждающіе въ насъ качество боли и до извѣстной степени—удовольствія.

Такія качества, какъ вязкость, шероховатость и др., можно предположить, чувствуются благодаря (одновременному дѣйствію) сотрудничеству мускульныхъ ощущеній съ кожными. Геометрическія же свойства предметовъ, съ другой стороны, ихъ форма, величина, отдаленіе и пр. (насколько мы различаемъ и отождествляемъ ихъ), не могутъ быть, по мнѣнію многихъ психологовъ, безъ вызыванія воспоминаній прошлаго; и сужденіе объ этихъ качествахъ, слѣдовательно, считается превосходящимъ степень (силу) чистаго и простаго ощущенія.

«Познаніе, какъ ознакомленіе», и «познаніе о средѣ». Ощущеніе, такимъ образомъ разсматриваемое, отличается отъ воспріятія единственно, крайней простотою своего объекта или содержанія. Объектъ ощущенія, будучи простымъ качествомъ, является замѣтно однороднымъ; а функція ощущенія есть ознакомленіе съ этимъ кажущимся однороднымъ фактомъ. Функція же воспріятія, съ другой стороны, есть функція знанія о чемъ-нибудь, касающемся этого факта: мы должны знать, что за фактъ мы уразумѣваемъ въ это время, и эти различныя «что» даются намъ ощущеніями. Наши первыя мысли имѣютъ въ основѣ почти исключительно ощущенія. Онѣ даютъ намъ подборъ (разныхъ) «что», «это» или «то»; другими словами, подборъ предметовъ разсужденія съ ихъ еще не обнаруженными соотношеніями. Прежде всего мы видимъ свѣтъ; по выраженію Кондилляка, мы скорѣе сами этотъ свѣтъ, чѣмъ видимъ его. Но все наше дальнѣйшее зрительное познаніе занято тѣмъ, что даетъ намъ этотъ опытъ. И еслибы мы ослѣпли въ этотъ первый моментъ, въ нашихъ знаніяхъ о предметѣ не исчезла бы ни одна изъ его существенныхъ чертъ, пока остается наша память. Въ школахъ для слѣпыхъ, воспитанникамъ сообщаютъ о свѣтѣ столько же, какъ въ обыкновенныхъ школахъ. Изучаютъ тамъ все: отраженіе, преломленіе, спектръ, теорію колебаній эфира и пр. Но наиболѣе свѣдущій слѣпорожденный воспитанникъ такой школы все таки не имѣетъ того знанія, которымъ обладаетъ очень мало обученный зрячій ребенокъ: слѣпому никогда нельзя объяснить, что такое свѣтъ въ его «первичномъ смыслѣ», и недостатку этого чувственнаго познанія не можетъ замѣнить никакой учебникъ. Все это такъ очевидно, что мы обыкновенно находимъ ощущеніе «заранѣе принятымъ» въ качествѣ элемента опыта, даже у тѣхъ философовъ, которые менѣе всего склонны придавать ему много значенія или относиться съ уваженіемъ къ познанію, которое оно (т. е. ощущеніе) приноситъ.

Ощущенія отличаются отъ образовъ воображенія. Какъ ощущение, такъ и воспріятіе, при всемъ ихъ различіи, сходны между собой въ томъ, что ихъ объекты являются живыми, яркими и находящимися на лицо. Объекты же только мышленія, припоминаемые, или воображаемые, наоборотъ, представляются относительно блѣдными и лишенными той остроты или вкуса, того качества реального присутствія, которымъ обладаютъ объекты ощущенія. А такъ какъ корковые мозговые процессы, съ которыми связаны ощущенія, обусловлены токами, приходящими отъ периферіи тѣла, то внѣшній объектъ долженъ возбуждать глазъ, ухо и т. д. прежде, нежели явится ощущеніе. Съ другой стороны, тѣ корковые процессы, съ которыми связаны чистыя идеи или образы, обусловлены по всей вѣроятности токами, идущими отъ другихъ извилинъ. Итакъ, казалось бы, что токи отъ периферіи нормально возбуждаютъ родъ мозговой дѣятельности, который токи отъ другихъ извилинъ неспособны возбудить. Этому роду дѣятельности соотвѣтствуетъ качество яркости, присутствія или реальности объекта протекающаго въ сознаніи.

Существованіе во внѣ (отнесеніе внѣ) объектовъ ощущенія. Каждый чувствуемый предметъ или качество чувствуется во внѣшнемъ пространствѣ. Невозможно представить себѣ (постигать) блескъ или цвѣтъ иначе, чѣмъ распространяющимся и внѣшнимъ нашему тѣлу. Звуки также представляются въ пространствѣ. Прикосновенія относятся къ поверхности тѣла, а чувства боли всегда охватываютъ какой-нибудь органъ. Мнѣніе, которое получило большое распространеніе въ психологіи, состоитъ въ томъ, что чувствуемыя качества прежде всего постигаются въ самомъ умѣ и затѣмъ какъ бы «проектируются» имъ во внѣ при посредствующемъ интеллектуальномъ или сверхъ-чувственномъ душевномъ актѣ. Но нѣтъ никакихъ основаній для этого мнѣнія. Единственные факты, которые, кажется, служатъ въ пользу его, могутъ быть гораздо лучше истолкованы другимъ образомъ, какъ мы это увидимъ ниже. Истинно первое ощущеніе, получаемое ребенкомъ, есть для него внѣшній міръ. И вселенная, которую ребенокъ узнаетъ въ дальнѣйшей своей жизни, есть не что иное, какъ увеличеніе того перваго простаго зачатка, который съ разростаніемъ съ одной стороны, съ всасываніемъ съ другой, вырастаетъ такимъ большимъ, сложнымъ и расчлененнымъ, что его первоначальное состояніе нельзя припомнить. Въ своемъ нѣмомъ пробужденіи къ сознанію «о чемъ то здѣсь», о какомъ-то «этомъ» (или о чемъ-нибудь, для чего даже опредѣленіе «это» было-бы, можетъ быть, слишкомъ отличительнымъ, и интеллектуальное засвидѣтельствованіе чего было бы лучше выражено простымъ междометіемъ «Ай!»), ребенокъ встрѣчаетъ объектъ, въ которомъ (хотя онъ и данъ въ чистомъ ощущеніи) заключаются всѣ «категоріи сужденія». «Онъ (предметъ) имѣетъ внѣшность, объективность, единство, субстанціальность, причинность въ томъ полномъ смыслѣ, въ какомъ этими свойствами обладаетъ какой-нибудь позднѣйшій объектъ или система объектовъ. Здѣсь юный познаватель и привѣтствуетъ свой міръ. и чудо познанія, какъ говоритъ Вольтеръ, проявляется столько же въ пишущихъ ощущеніяхъ ребенка, какъ и въ высшемъ произведеніи мозга Ньютона.

Физиологическимъ условіемъ этого первичнаго чувственного опыта

являются, вѣроятно, многіе нервныя токи, приходящіе одновременно отъ различныхъ периферическихъ органовъ; но это множество органическихъ условій не мѣшаетъ сознанию быть единымъ сознаниемъ. Мы увидимъ впоследствии, что можетъ быть только одно сознание, даже если оно обусловлено взаимодействиемъ многихъ органовъ и хотя-бы оно являлось сознаниемъ о многихъ предметахъ сразу. Объектъ, который доходитъ до сознания ребенка черезъ посредство многочисленныхъ приводящихъ нервныхъ токовъ, есть одна обширная цвѣтущая и невнятно-шумящая «Спутанность». Эта «Спутанность» является вселенной ребенка. Съ самаго начала до конца она является, какъ нѣчто занимающее пространство. Знаніе о немъ имѣетъ въ основѣ ощущение, но по мѣрѣ того, какъ въ немъ различаются частности, и мы узнаемъ объ ихъ соотношеніяхъ, наше познаніе дѣлается воспринимаящимъ или даже построившимъ.

Интенсивность ощущеній. Свѣтъ можетъ быть настолько слабымъ, чтобы не разсѣять чувствительно тьму; звукъ—насколько тихимъ, чтобы не быть услышаннымъ; прикосновеніе — настолько слабымъ, что мы не замѣчаемъ его. Другими словами, требуется нѣкоторая опредѣленная сумма внѣшнихъ стимуловъ для того, чтобы вызвать какое-нибудь ощущеніе ихъ присутствія. Это положеніе названо Фехнеромъ закономъ порога сознанія: нужно перешагнуть черезъ нѣчто прежде, чѣмъ объектъ получить входъ въ сознание. Впечатлѣніе «только что» за порогомъ называется *minimum visibile, audible* и т. д. (т. е. минимумомъ видимаго, слышимаго и т. д.). Начиная съ этой точки, разъ нарастаетъ сила впечатлѣнія, усиливается также ощущеніе, хотя съ меньшей скоростью, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, ощущеніе не достигаетъ высшей точки (акме), которую никакое нарастаніе стимуловъ не можетъ чувствительно перемѣстить еще выше.

Обыкновенно, уже до «высшей точки» боль начинаетъ примѣшиваться къ специфическому характеру ощущенія. Это ясно можно наблюдать въ случаяхъ сильнаго давленія, интенсивнаго жара, холода, свѣта и звука, а въ случаяхъ обонанія и вкуса можно наблюдать это, хотя и менѣе ясно, въ томъ, что здѣсь намъ менѣе легко увеличивать силу данныхъ стимуловъ. Съ другой стороны, всѣ ощущенія, какъ бы непріятны они ни были при очень большой интенсивности своей, доставляютъ скорѣе удовольствіе, чѣмъ что-либо иное, въ своихъ самыхъ низкихъ степеняхъ. Слабо-горькій вкусъ или гнилой запахъ могутъ быть по крайней мѣрѣ интересными.

Законъ Вебера. Я сказалъ, что интенсивность ощущенія нарастаетъ болѣе медленными шагами, чѣмъ нарастаетъ причина, его возбуждающая. Если-бы не было порога ощущенія и если-бы всякое равное приращеніе во внѣшнемъ стимулѣ вызывало равное приращеніе въ интенсивности ощущенія, то простая прямая линія представила-бы соотношеніе между обоими явленіями. Пусть (рис. 1) горизонтальная линія 0,1,2,3—означаетъ рядъ (скалу) интенсивностей объективныхъ (внѣшнихъ) стимуловъ, такъ что 0 соответствуетъ отсутствію всякой интенсивности, 1 — интенсивности 1 и т. д. Пусть вертикали, опущенныя съ косою линію OS^3 , означаютъ возбуждаемыя ощущенія. При 0 не будетъ никакого ощущенія; при 1, ощущеніе будетъ представлено длиною вертикали S^1-1 , при 2 ощущеніе будетъ представлено отрѣзкомъ S^2-2 и такъ далѣе. Линія S будетъ по-дыматься ровно, такъ какъ по (нашему) предположенію вертикали (т. е.